тельностью действия, Фонвизин иронически оценивал забавную безнаказанность социальных уродов, но не тешил зрителей надеждой на их исправимость. Ирония автора получает свое кульминационное выражение именно в развязке, когда Бригадир с Советником пытаются разнять Советницу и Иванушку, крича в отчаяньи: «Куды, собака?», «Куды, проклятая! о господи!» (действие V, явл. 4). Только один Советник в конце концов «кается», но он и раньше считал, что «все грешны человецы», и его последние сетования на грехи и свою «геену» — Советницу густо окрашивает фонвизинская усмешка. Обращаясь к разуму, автор заставлял вместе с собою беспокойно задуматься умного зрителя: «Ты хочешь здешние обычаи исправить; ты хочешь дураков в России поубавить, и хочешь убавлять ты их в такие дни, когда со всех сторон стекаются они. . .» («К своему уму»).

Комедия Хольберга «Жан де Франс, или Ханс Франдсен», переделанная И. П. Елагиным в пьесу «Жан де Моле, или Русский-француз» (1765), в какой-то, весьма ограниченной мере, перекликается и с оригинальной комедией «Бригадир». Принципиальное отличие фонвизинской комедии от хольберговской заключается в том, что она направлена против «здешних обычаев». Дурак-французоман, который у Хольберга выглядит в среде добродушных бюргеров белой вороной и после своего посрамления мнимой мадам Лефлеш (переодетой горничной) убирается восвояси обратно в Париж, у Фонвизина, напротив, чувствует себя на родине, как рыба в воде. Парижане «декларировали» свою «радость» по поводу прибытия в их город русского щеголя «чрезвычайным смехом», а Бригадирша «без ума от радости», что «бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом». Советница же «не родная ему, но от слов его в восторге» (действие III, явл. 3).

Иванушка не просто смешной глупец — он гнусен своей бесчеловечностью и антипатриотизмом. Но не только этим определяется социальная заостренность фонвизинской критики воспитания, чуждая комедии Хольберга-Елагина и другой тогдашней пьесе — «Россияне, возвратившиеся из Франции» А. Г. Карина. Борьба, которую ведет Фонвизин в «Бригадире» против французомании, неотделима от обличения дикого невежества, самодурства, хищничества провинциального и столичного дворянства и чиновного «крапивного племени», что отнюдь не соответствовало екатерининской концепции критики «русских французов» (журнал «Всякая всячина»). Автор «Бригадира» как бы нащупывает общие социальные корни пороков всех сатирических персонажей своей комедии.

Ненависть к истинному просвещению, высказываемая каждым сатирическим персонажем в 1-м явлении I действия, и отсутствие гражданского самосознания объединяют их. Ивана, Бригадира, Бригадиршу, Советника и Советницу породила одна и та же среда. Очень определенно охарактеризовала ее Советница: «Все соседи